

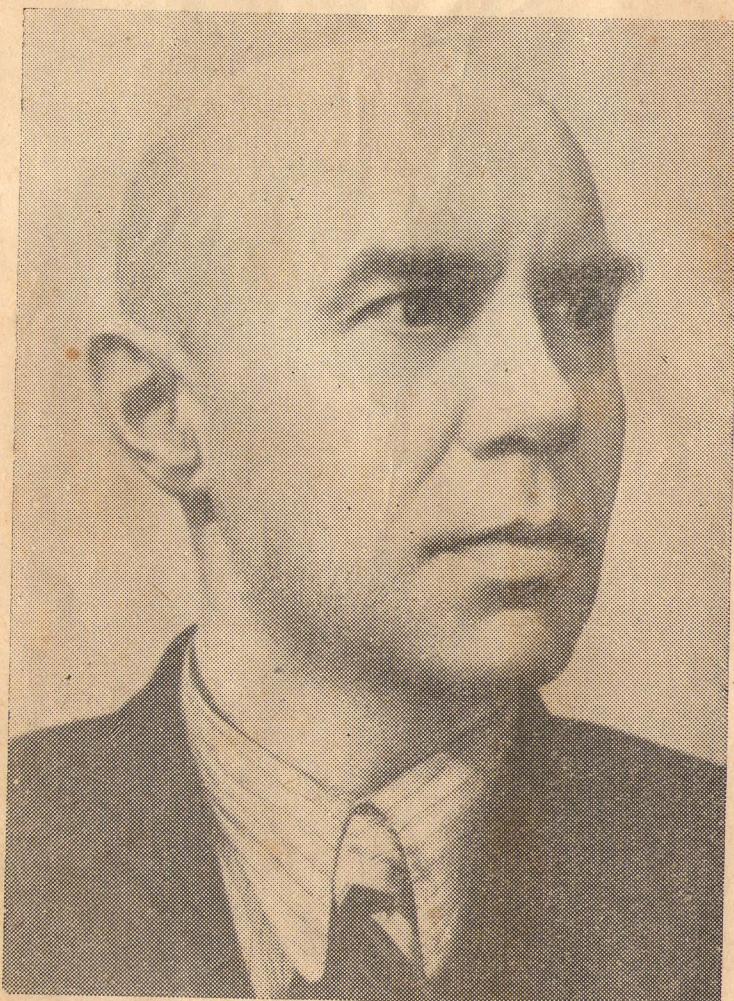
Книга № 7

Н. РАКИТИН

Приключения

Н. РАКИТИН

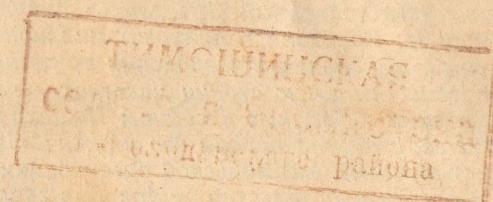
Р. 1



ПОШЕХОНЦЫ

Из путевых записок
журналиста

225649 X



Ярославское книжное издательство
1959

Николай Степанович Ракитин родился в Пошехонье в 1913 году.

Двадцатилетним юношей пришел он в редакцию пошехонской районной газеты «Колхозный путь».

В годы работы в Пошехонье Николай Ракитин познакомился с талантливым журналистом Александром Кузнецовым, воспевшим пошехонскую землю в своей книге «Пошехонская новь». Вместе с ним молодой журналист ездил по району, наблюдал, как расцветает родная земля, как поднимают свое хозяйство пошехонские колхозы.

В 1940 году Николай Ракитин был направлен из Пошехонья в Антропово (ныне Костромской области) в редакцию районной газеты «Сталинский ударник», а в 1944 году — в Ярославль, в «Северный рабочий».

А. Кузнецов погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны. Ему не удалось видеть и описать послевоенного Пошехонья. Очеркрист Николай Ракитин снова и снова ездит по тем местам, где когда-то бывали они с Александром Кузнецовым.

В газетах «Северный рабочий», «Юность», в альманахе «Литературный Ярославль» появляются очерки Н. Ракитина о колхозах-миллионерах, о замечательных делах пошехонских тружеников, прославившихся на всю страну мастерами льноводства, чудесных переменах в родном Пошехонье.

В 1944 году вышла первая его книжка «Шигоринцы» (очерки о комсомольской организации колхоза), а вскоре издательство «Молодая гвардия» выпустило этот же сборник под названием «Молодые хозяева земли».

В 1949 году в Ярославле выходит книжка краеведческих очерков Н. Ракитина «Пошехонье-Володарск», а в 1951 году — «Некрасовское».

Сейчас Николай Ракитин редактирует газету «Северный рабочий». Он — член Союза журналистов СССР, избран председателем бюро областного отделения этого Союза.

АВТОР „ПОШЕХОНСКОЙ НОВИ“

— Приезжайте в Пошехонье! Такую уху закатим!.. Этими словами одного из пошехонцев, героев нашего чудесного времени, заканчивается книга, про автора которой сказано:

«Саша Кузнецов!

И сразу в памяти возникает 1926 год. Ярославль. Редакция «Северного рабочего». Фанерные перегородки. Забрызганные чернилами столы. Вечная сутолока редакционной «кухни». И в этой сутолоке, там, где висит трафетка «Отдел рабочей жизни», — молодой, подвижной, с живыми глазами угольной черноты газетчик из рабкоров-железнодорожников — Александр Кузнецов.

...Из года в год он подрастал как хороший, зубастый и глазастый советский журналист. И с журнальным опытом росло его литературное умение.

Газета привела его в литературу».

Так писал наш земляк поэт Алексей Сурков. И это действительно так — именно работа в газете привела ярославского журналиста Александра Кузнецова в литературу, помогла ему стать автором выдержавших проверку временем книг «Ювелиры» и «Пошехонская новь».

Александр Кузнецов — сын ярославского рабочего и сам в юности рабочий, комсомолец с 1919 года, активный рабкор губернской газеты «Северный рабочий», а затем, после окончания Коммунистического института журналистики, заведующий отделом рабочей жизни этой газеты и, наконец, собственный корреспондент «Изве-

стий» по Ярославской и Ивановской областям. И всюду он трудился самоотверженно и неутомимо; его журналистскую работу можно назвать поистине самозабвенной.

Начав свой писательский труд в газете, он и в дальнейшем был тесно связан с нею. Дарование его наиболее полно выявилось в жанре художественного очерка.

В виде связанных в единое целое очерков-глав предстают перед читателем обе повести. В первой из них писатель рассказал о жизни и труде красносельских ювелиров, о их самобытном и тонком ремесле. Вторая повесть посвящена Пошехонью, над которым прошумели ветры Октябрьской революции и смели пошехонскую старину, дали неоглядный простор для роста пошехонской нови.

Свою «Пошехонскую новь» Александр Александрович начинает с простого факта:

«В декабре 1938 года добраться до Пошехонья было особенно трудно.

Забирая людей, уходили машина за машиной, но мы не могли попасть на них. Мы сидели на автовокзале уже несколько часов. Сутолока вокзала и длительное ожидание утомляли и раздражали. Пассажиры то и дело подходили к окошечку билетной кассы и повышенным тоном спрашивали:

— Какого же черта, начальник?

— А что я сделаю? — кричала кассирша, она же администратор. — Машин на вас не напасешь! Сидели бы дома!..»

Небывало оживленным стало движение на пошехонском тракте. Люди ехали по делам общественным и личным. Ехали создатели будущего Рыбинского моря и строители больших мостов и дамбы в Пошехонье. С купленными для премирования лучших колхозников фотоаппаратами возвращался председатель колхоза «Новый путь» Василий Семенович. Заканчивать новую телефонную линию торопился монтер. Лейтенант летной службы направлялся в отпуск в родные места. Женщина в плюшевой шубейке, погостив у родни, спешила к своему дому. Ехали пошехонцы, герои будущей книги Александра Кузнецова, люди, преобразившие Пошехонье и стремившиеся сделать свой край, свой город, свою жизнь еще лучше, еще краше.

«В пошехонской газете «Колхозный путь» я прочел

статью местного журналиста, — написал впоследствии в главе «Взбудораженный город» Александр Кузнецов. — Статья называлась «Чудесное будущее». В ней журналист развивал мечту о будущем родного города и края. Он рассказывал о море, красавцах-пароходах, которые будут прибывать сюда и отходить от шумного порта Пошехонье-Володарска; о пристанях и портовых складах, набитых льноволокном, маслом, сыром, зерном, лесом, рыбой и другими товарами; писал о портовых кранах, извлекающих из трюмов пароходов тракторы, автомобили, комбайны, разные машины для Пошехонья; мечтал о многоэтажных светлых зданиях города, асфальтированных площадях и улицах, о гостинице, сверкающей огнями, о новых сыроваренных, лесопильных и фанерных заводах; о световых рекламах кино и о многом другом, чего пока совсем нет».

И вот Александр Кузнецов, небольшого роста, жизнерадостный, сразу располагающий к себе, в редакции пошехонской районной газеты. Он знакомится с ее работниками, в том числе с автором упомянутой выше статьи, рассказывает о своих планах, расспрашивает о здешних интересных людях, договаривается о предстоящих встречах и поездках, о квартире на лето, обещает следить за газетой и помогать нам. Так началась наша дружба.

В то время я по заданию редакции давал корреспонденции о переменах, произошедших при Советской власти в деревнях бывшей Софоновской волости, считавшейся до революции одним из самых глухих мест глухого Пошехонского уезда.

В начале марта 1939 года пришло первое письмо:
«Уважаемый тов. Ракитин!

Прекрасно сделала редакция «Колхозного пути», что дает Ваши письма из «бывшей Софоновщины». Я внимательно прочел их, как и каждый номер вашей газеты читаю.

Хотелось бы только, чтобы эти «письма» не оборвались на трех. Продолжайте! Но пусть они будут поглубже содержанием. Рассказывайте о людях, о борьбе с пережитками капитализма в сознании людей, о фактах, показывающих отмирание этих пережитков под действием социалистической действительности; расскажите о социалистическом соревновании двух колхозов, да не так, как

принято говорить о нем в райо, не бюрократически. Расскажите о живых людях, которые видят в социалистическом соревновании не формальную сторону, а с помощью соревнования повышают уровень общественного, а следовательно, и своего благосостояния; покажите людей, которые создают это.

Это и будет тем новым, что особенно отличает сегодняшнее Пошехонье от бывшей Софроновщины!

Много можно дать интересных «писем». Если будет нужно, я подскажу. Но сейчас хотя бы эти организуйте.

За каждым номером вашей газеты слежу внимательно, ожидая от нее помощи в моей работе. Но и сам не хочу перед Вами в долг оставаться. И думаю, что в конце концов должником не останусь.

Привет Вам! Ал. Кузнецов».

Летом Александр Александрович приехал в Пошехонье, чтобы за время отпуска собрать часть материала для книги. Он поселился вместе с семьей в мезонине того самого дома на берегу Согожи, про который сказал потом в своей книге:

«Как только покажется солнце — кипит Пошехонье, кипит! И, кажется, раньше других наполняется шумом и гамом мой дом.

Дом, где я занимал мезонин, был общежитием студентов педагогического училища. Начинался съезд студентов, и в доме с раннего утра и до поздней ночи — «дым коромыслом». Частушки, гармошка, хохот, песни... Они выплескиваются на берега Согожи, растекаются по улицам города».

Впрочем, шум и гам вскоре стали раздаваться и из мезонина. Александр Александрович умел удивительно быстро завязывать знакомства. В его комнату вечерами, а в выходной и днем, набивалось немало народу — редакционные работники, городские старожилы, соседи. Брызжущие весельем рассказы, реплики Александра Александровича сопровождались взрывами смеха. Разговоры о газетных заметках, о поступках людей, о книгах, о способах рыбной ловли или о достоинствах разных грибов порой заканчивались громкими спорами. И непременно — домино, стук костяшек которого, казалось, доносился до другого берега Согожи.

Чтобы побывать в пошехонских колхозах, Александр Александрович решил научиться ездить на вело-

сипеде. Я отдал ему свой велосипед и вызвался быть учителем.

«На утро начались мои добровольные муки», — написал он в главе «Первый велопробег». Результат занятия оказался такой: «Все тело мое мучительно ныло. Ныл ободранный нос, ныли ноги, ныли бока и особенно кисти рук — от напряжения, с которым я впивался в руль».

Вскоре двухколесная машина была освоена. Взяв у товарища по редакции второй велосипед, мы отправились по району. Побывали в различных местах. Были в селах Дмитриевском и Белом. Прокатили в поселок Сосновец, где в теплице колхозного овощевода созревали не только огурцы и помидоры, а даже арбузы. Ездили в деревни Красное и Юдино. Посетили и бывшую Софроновщину. Из села Колодино через Байново, отмахав не один десяток километров, пробрались в село Ракоболь. Из Кузьминского ездили по готовящимся к селению хуторам, расположенным неподалеку от вьющейся «между холмами-деревнями» речки Коды. Заглянули даже на укрывшуюся в густом сохотском лесу мельницу. Досыта порыбачили близ деревни Кладово, в месте глухом и красивом. Здесь, на берегу, Александр Александрович записал рыбакские обычай и наговоры, включенные позднее в главу «На Согоже». Велосипеды безотказно служили нам и на рыбинской, и на череповецкой дорогах.

Мы встречались с множеством интересных людей, которые послужили прообразами героев книги. Беседовали мы с людьми, впоследствии названными в книге: «потомком знаменитого предка» — агрономом Михаилом Ивановым, старым учителем Дмитрием Михайловичем, радиостом Шурочки Соловейкиным, председателем колхоза Василием Семеновичем, пионервожатой Верой Федоровной, агитатором Фролом, заводским рабочим Степанушком, старшим животноводом Флегонтычом и другими. Слушали ласковое приветствие лучшей льнотрепальщицы Анны Никитичны, женщины радушной и вместе с тем дотошной, воспроизведенное в главе «Толоконов с товарищем»: «Здравствуй, дёман, здравствуй! Остановись, чаю выпей...»

Воочию видели, как чудесно изменялась жизнь пошехонской деревни, как «решения XVIII съезда партии, словно гигантский плуг, поднимали глубокие народные

пласты» и «над Пошехоньем шумел прибой социалистического соревнования».

Любовались неповторимой красотой пошехонских пейзажей, описание которых потом в книге было так органически связано с развертывавшимися на их фоне событиями.

Дни, проведенные вместе с Александром Александровичем, явились для меня, тогда молодого газетчика, днями настоящей учебы. Я учился у него умению разговаривать с людьми, оценивать явления, находить интересные факты и обобщать их, делать записи в блокноте — не во время беседы с человеком. Некоторые мои корреспонденции, передаваемые в редакцию по телефону во время нашего велопробега, он аккуратно правил, попутно объясняя причины правки.

Позднее, доверительно беседуя с читателем в главе «Флегонтыч», Александр Александрович заметил: «Любезную мне черточку я наблюдал в людях совершенно разных по характеру. Она с каждым днем становится все более общей, характерной, типичной. Мне всегда хотелось развить ее; хотелось встретить в деревне такого положительного героя, каким я его представлял себе. Ведь задача журналиста не только констатировать виденное, но и найти ответ на свои мечты, если только журналист мечтает!»

Автор «Пошехонской нови» умел мечтать и сумел найти ответ на свои мечты, показать в книге многих людей с любезной ему черточкой — талантливых, беспокойных, стремящихся вперед, людей, выросших в советской деревне, воспитанных Коммунистической партией.

Работая над книгой, Александр Александрович часто советовался с пошехонцами, участниками описываемых им событий, обсуждал с читателями главы произведения. Одна из встреч состоялась в редакции районной газеты. Собрались местные старожилы, активные организаторы Советской власти в Пошехонье, пришли все члены бюро райкома партии. Писатель прочел главу «Крушение столпов» и попросил собравшихся высказать свое мнение, дополнить главу своими воспоминаниями.

Районная газета написала в отчете об этой встрече, что «обсуждение главы превратилось в замечательную беседу об истории гражданской войны в Пошехонье, о героической борьбе трудящихся за создание Советской

власти в Пошехонском крае. Герои 1918—1919 годов вспоминали свои боевые дни, рассказывали яркие эпизоды, вносили деловые предложения». Участники встречи рассказали о славных делах борцов за становление Советской власти в Пошехонье: С. А. Преображенского, Г. В. Киселева, В. П. Катанского, И. И. Хватова, В. А. Тихвинского и других. В результате обсуждения содержание главы «Крушение столпов» стало богаче. Несколько отрывков из книги писатель прочитал в зале райкома партии, на собрании, посвященном Дню печати.

Александр Александрович постоянно интересовался жизнью героев книги, тем новым, что появлялось в Пошехонье.

12 августа 1939 года он писал:

«Привет, Ник. Степаныч!

Уже скоро месяц, как сижу в Москве, в редакции. Надоело смертельно. Совершенно не понимаю тех людей, которые во что бы то ни стало стремятся в Москву — в камень и грохот.

То ли дело летом в нашей пошехонской стороне — в Ярославле на Волге да в Пошехонье на Согоже!.. Воздух, солнце, вода, леса, грибы...

У меня к тебе большая просьба. Сейчас пошехонцы, вместе с другими колхозниками области, ездят на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Вы, вероятно, печатаете их отчеты на колхозных собраниях? Это величайшее дело — лучше всякого агитатора.

Просьба моя состоит в том, чтобы накопилось у тебя побольше непосредственных высказываний колхозников, ездивших на выставку. Высказываний, предложений и всего, что приняли колхозники, научившись на выставке, и собираются практиковать у себя на колхозных полях и усадебных участках».

Наконец книга в основном была готова. В «Северном рабочем» появились отрывки из нее, тепло принятые читателями. Но Александр Александрович продолжал упорно работать над ней, отдельывать, шлифовать. Отвечая на мое письмо в связи с опубликованием одной из глав «Пошехонской нови», он писал 18 июля 1940 года:

«... Да, Соловейкин сплан с Жаворонкова. Федосья же — не только Борисова. В этом образе много женщин Пошехонья, ставших блестящими руководителями колхозов».

зов, впервые получивших свободу для чувств человеческих...

Разумеется, когда выйдет книга — первый экземпляр тебе... Только бы мне сдать ее наконец! Сам мечтаю об этом счастливом моменте давно. А наступит он не раньше, чем в августе, хотя книга вчера уже закончена недели две назад. Сейчас идет самая сложная работа: как ассенизатор, я выгребаю из нее мусор и навоз, которые, как известно, скапливаются при всяком новом соружении.

Изнемогаю от нетерпения встретиться с Вами в Антропове. (Я к тому времени был переведен на работу в редакцию районной газеты с. Антропово ныне Костромской области. — Н. Р.). Но теперь на каждую командировку требуется специальное разрешение редакции. Поэтому дело несколько тормозится. Тем не менее думаю еще в июле попасть к вам денька на два-три. Сообщение Ваше о грибах меня окончательно взъярило на поездку».

Поездка в Антропово состоялась. 5 августа 1940 года Александр Александрович известил меня о благополучном возвращении в Ярославль и о том, что «сегодня буду есть суп с белыми антроповскими грибами. Ночью уеду в лес — по грибы: за белыми, за груздями, за солодашками и т. д. и т. п. и пр. и др.»

В том году Александр Александрович снова побывал у нас в Антропове, и не один. Он не любил сидеть дома. Его органической потребностью были поездки, встречи с людьми, обогащавшие его как журналиста, писателя. Поэтому наше предложение устроить в Антропове литературный вечер, первый в истории этого маленького районного центра, Александр Александрович поддержал от всей души. И вот письмо — от 6 ноября 1940 года.

Поздравив с Октябрьским праздником, он писал:

«При сем я пересылаю, как обещал, пяток афиш... Программа вечера кратко изложена в афише. Мы ставим перед собой задачу пропаганды художественного слова, рассказ о выдающихся событиях в литературе, настоящее живое (во всех вопросах) общение с читателем. Оно должно взаимно обогатить нас. Вечер я мыслю как задушевную (без всяких официальностей) веселую беседу, обмен мнений... Я буду читать из «Пошехонской нови», Лисянский — новые стихи из книжки, издающейся в библиотечке «Огонька», и др.

Для вечера можно использовать клуб (если он отапливается) или хорошо — школу (если там есть зал). Вечер, как говорит и сама афиша, идет от имени Ярославского областного отделения Союза писателей. «Ответы на вопросы» в программе вечера должны занять весь видное место.

Хорошо, если сумеешь организовать такой же вечер и в Николо-Поломе, чтобы нам съездить заодно.

Газету получил — спасибо. Она выглядит хорошо, и особенно радует информация... По-моему, мало ты толкаешь такие районные проблемы, как огородничество. Нужно говорить о расширении площадей; о семенах капусты (а не деревьях капустных); об огурцах, о моркови, свекле и т. д. Поощрять колхозы, думающие об этом, и, рассказывая о их примере, подталкивать отстающих, бороться с косным отношением к овощеводству в Антропове. Не знаю, как ты думаешь, но я бы этот вопрос и подобные ему, завернул бы в газете крепко, чтобы кончить с положением, при котором народ на антроповском рынке ругается.

Есть и другие насущные проблемы в районе — газета должна заняться ими. При встрече мы потолкуем с тобой подробно обо всем».

Подготовка к литературному вечеру пошла полным ходом и в Антропове, и в Ярославле. 17 ноября Александр Александрович писал:

«Дорогой Степаныч!

При сем посыпаю для твоей газеты стихи Всеволода Евгеньевича Немцевича, который приезжает со мной на вечер. Книга стихов Вс. Немцевича на днях выходит в издании Ярославского областного издательства.

Очень прошу, чтобы на вечере был приличный свет — я буду читать по рукописи. Да и удобнее, когда видишь всю аудиторию.

Очень хорошую информацию ты дал о нашем вечере: нам, очевидно, обоим понятно, сколь велика роль таких вечеров для всех нас (и читателей, и писателей). Во всяком случае в бюро литобъединения ярославских писателей выделен специальный товарищ для устройства таких вечеров. А мы, то есть я и т. Немцевич, полдня посвятили сегодня тому, чтобы наш вечер в Антропове был наиболее продуктивен».

Вечер удался как нельзя лучше. Дом культуры был

переполнен. Горел даже электрический свет — бездействовавшая длительное время электростанция в честь приезда ярославских писателей дала ток. Было много вопросов. Чувствовалось, что антроповцы любят родную советскую литературу.

После Нового года по просьбе читателей мы, редакционные работники, начали готовить второй литературный вечер. В связи с этим 3 марта 1941 года Александр Александрович писал:

«Дорогой Степаныч, с наслаждением выеду к тебе в Антропово в марте. Напиши, когда это ты устроишь (может, заодно и Парфеньево прихватим)... Горит желанием приехать в Антропово и Лисянский».

Вечер состоялся в апреле и прошел тоже очень удачно. Выступал со своими стихами и ярославский поэт Марк Лисянский.

Последнее сохранившееся у меня письмо Александра Александровича — с фронта. Как в мирное время, так и на войне коммунист Кузнецов был на самых важных участках борьбы за свободу и счастье народа. Его острое перо журналиста поднимало боевой дух советских воинов, метко поражало врагов. Мы, пошехонцы, как и все советские люди, чуть ли не в каждом номере «Известий» с волнением читали наполненные неиссякаемой верой в нашу победу материалы специального корреспондента газеты Александра Кузнецова о положении на подступах к Москве, о том, как Советская Армия гнала фашистских захватчиков от столицы, один за другим освобождая подмосковные города.

Несмотря на постоянную занятость оперативной газетной работой, Александр Александрович находил время для того, чтобы готовить новую книгу. 28 мая 1942 года он писал мне:

«Я — езжу, пишу, веду дневник — все, что мне полагается. Написал четыре рассказа, они должны быть изданы книгой: подписан в отделе договор...

На фронте встретил ярославцев — Лисянского, Смирнова и многих других... Я читал новые военные рассказы. Завтра выезжаю по самым дальним и боевым участкам фронта, увижу еще ярославцев, наверное, — во всяком случае поставил перед собой такую задачу.

Необычайно хочу встретиться с Вами и поднять бокал за настоящую жизнь!»

Но встретиться и вместе поднять бокал за настоящую жизнь нам не удалось. Александр Александрович 22 июня 1944 года погиб на боевом журналистском посту, погиб в борьбе за свободную, радостную, счастливую жизнь советских людей.

* * *

«За двадцать лет Советской власти пошехонцы достигли многого, — писал Александр Кузнецов в главе «Взбудораженный город». — Это хорошо, но это только начало великого движения их к высокой человеческой культуре, и не только в этом состоит пошехонская новь...

Новь состоит в том, что пошехонец с радостью и надеждой смотрит вперед; что обрел он настоящую свободу творчества, о которой мечтал веками. Государство отдало ему землю, леса, реки, машины и сказало: ТВОРИ! Твори на пользу обществу, значит, и себе, завоевывай мировые высоты!

И, если человеку обеспечили жизнь и сказали — твори! — может ли он храпеть, задрав ноги, или дремать под собственным забором?

Какой тут сон!..»

И пошехонцы творят.

И пусть еще не все стало таким, как мечтал в свое время пошехонский журналист в статье «Чудесное будущее». Но сделано поразительно много.

На четыре с половиной тысячи квадратных километров раскинулось Рыбинское море, и по нему прибывают в Пошехонье из Москвы и других городов красавцы- теплоходы. Большегрузные баржи доставляют для пошехонцев минеральные удобрения, машины, различные товары и увозят кипы великолепного льноволокна, ящики масла, сыра, яиц, увозят рыбу и т. п.

Два оснащенных современной техникой леспромхоза в год заготовляют для страны чуть ли не полмиллиона кубометров древесины. Днем и ночью раздаются в пошехонских лесах гудки паровозов, доставляющих по узкоколейке древесину на берег моря для отправки потребителям. Один только Пошехонско-Володарский леспромхоз за двадцать с лишним лет дал государству такое количество древесины, из которого можно построить около двух миллионов квадратных метров жилой площади.